УДК 327

DOI: 10.18384/2310-676X-2020-2-175-186

ЛОГИКА ЭВОЛЮЦИИ ЗНАЧИМОСТИ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА В КОНЦЕПЦИЯХ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ: КОНТЕКСТЫ И КЛЮЧЕВЫЕ ФАКТОРЫ

Джаббаринасир Х. Р.

*Национальный институт социальных и культурных исследований Исламской Республики Иран
1666914711, Тегеран, проспект Пасдаран, пер. Гулистон 1, 124, Иран*

МГИМО МИД России

119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76, Российская Федерация

Аннотация.

Цель данной статьи заключается в исследовании логики эволюции значимости Ближнего Востока в концепциях внешней политики России.

Процедура и методы исследования. Используются тексты концепций, профильные научные исследования, торгово-экономическая статистика. В качестве основных методов исследования применены метод сравнительного анализа и системный подход, позволившие объяснить влияние вариативных факторов на динамику значимости региона в концепциях внешней политики России.

Результаты проведенного исследования. Сделан вывод, что декларируемая в концепциях внешней политики значимость Ближнего Востока не всегда соответствовала реальному масштабу вовлеченности России в дела региона. В первых концепциях приоритетность региона подчеркивалась преимущественно в контексте экономического прагматизма, а тон самих документов оставался сдержанно-оборонительным. Риторика последних документов говорит о решимости России усилить в регионе свои геополитические позиции.

Теоретическая/практическая значимость. Внесен вклад в дальнейшее осмысление проблематики региональной внешней политики России, в выдвижение реалистичных сценариев концептуально-прикладного развития приоритетов российской дипломатии на Ближнем Востоке.

Ключевые слова: геополитика, Ближний Восток, концепция внешней политики России, дипломатия

EVOLUTION OF THE SIGNIFICANCE OF MIDDLE EAST IN RUSSIAN FOREIGN POLICY CONCEPTS: CONTEXTS AND KEY FACTORS

H. Jabbarinasir

IRI's National Institute for Cultural and Social Studies

Pasdaran Avenue, 1st 124 Gulistan St, Tehran 1666914711, Iran

MGIMO University MFA Russia

76 Prospect Vernadskogo, Moscow 119454, Russian Federation

Abstract.

Aim. To study the evolution of the significance of the Middle East region in Russian foreign policy concepts.

Methodology. An analysis of the texts of ideological concepts, research articles on the question and economic statistical data was undertaken to determine the context and main factors affecting the priorities of Russia in the Middle East region. The research was conducted using the methods of comparative analysis and systems approach.

Results. It is concluded that the significance of the Middle East region declared in the Russian foreign policy concepts did not always correspond to the real extent of Moscow's involvement in the region's affairs. Earlier three concepts emphasized the priority of the region in a defensive tone and mainly from the standpoint of economic pragmatism. However, the rhetoric of two most recent documents regarding Russia's pursuit of its foreign policy principles in the Middle East is quite offensive, which indicates Russia's determination to strengthen its geopolitical position in the region.

Research implications. The results of the study contribute to further understanding of Russia's regional foreign policy, in the context of offering realistic scenarios of the conceptual and applied evolution of the priorities of Russian diplomacy in the Middle East.

Keywords: Russian foreign policy concept, Middle East, national interests, balance of power, geopolitics

Введение

Ближний Восток в силу своего удачного расположения с точки зрения геополитики/геоэкономики всегда находился в центре внимания мировых держав. На протяжении веков Россия тоже рассматривала данный регион в качестве одного из важных направлений своей внешней политики, не оставаясь в стороне от происходящих в регионе процессов. По словам известного российского востоковеда Е. М. Примакова, Ближний Восток исторически является «подбрюшьем» России, и при компаративистском взгляде российский интерес к нему «сопоставим с интересом США к развитию обстановки в Латинской Америке» [12, с. 21]. Однако все исторические примеры активности России на ближневосточном направлении не идут ни в какое сравнение с той беспрецедентной вовлеченностью, которая Москва демонстрирует в регионе в течение второй декады нынешнего столетия.

В этом контексте актуальным представляется не только осмысление российского «возвращения» в регион, перспектив ее «пребывания» там, но и анализ становления приоритетности и осознания важности ближневосточного

вектора российской внешней политики в постсоветский период. Основным доктринальным документом, определяющим систему взглядов на ключевые принципы, приоритетные направления, цели и задачи внешней политики России, является Концепция ее внешней политики. Представляется, что анализ всех редакций данного документа позволит выявить динамику изменения внешнеполитического позиционирования России на концептуальном уровне в отношении Ближнего Востока. Однако на основе «сухих», зачастую общих формулировок концепций сложно судить о значимости того или иного вектора внешней политики, особенно – ближневосточном. Эти документы в основном представляют «дискурсивные ориентиры» внешней политики [21], часто «не успевая» за меняющимися мирополитическими реалиями и трансформациями в структуре приоритетов внешней политики государств.

Исходя из вышесказанного, *цель* настоящей статьи заключается в выявлении логики эволюции места Ближнего Востока (далее – БВ) в концепциях внешней политики России. Для этого автор анализирует контекст принятия документов и ключевые факторы соответствующего

периода. Достижение поставленной исследовательской цели позволит сформировать более четкую картину становления ближневосточной политики России на современном этапе и в дальнейших исследованиях выдвигать наиболее реалистичные сценарии концептуально-прикладного развития приоритетов российской дипломатии в рассматриваемом регионе.

Настоящая работа в теоретическом плане опирается на идеи школы реализма и неореализма, которые подчеркивают принципиальное значение для концептуального и практического определения внешней политики государства характеристики его национальных интересов и приоритетов. Средства их реализации в понимании представителей этих школ ТМО могут быть вариативными. Реалисты, утверждая о рациональной природе поведения государств [19, с. 7], уверены, что национальные интересы превалируют над международными принципами. Так, Г. Моргенгау писал, что «цели внешней политики должны определяться в духе национальных интересов и поддерживаться силой» [11]. Неореалисты же, модифицируя эти идеи, считают внешнюю политику детерминированной структурой международных отношений. Она, как отмечает К. Уолтс, опирается на положения теории баланса сил, определяющую логику курса государств на недопущение усиления других государств. Структура мировой системы не только ограничивает деятельность актора на глобальной арене, но и формирует для него благоприятные возможности [22]. Структурные особенности международной системы также определяют различия целей и результатов внешней политики государств.

Ближний Восток представляется тем регионом, где идеи (нео)реалистов об анархии в международных отношениях, высокой степени неприменимости моральных/аксиологических императивов во внешней политике, стремлении госу-

дарств к власти/гегемонии, к опоре на силовые ресурсы имеют наиболее яркое проявление. Труднопредсказуемая ситуация в регионе, тревожные тенденции формирования линий соперничества с ее усложнением за счет вовлечения региональных государств, стремление внешних акторов навязать странам региона собственные модели социально-политического устройства общества делают (нео)реалистскую парадигму наиболее релевантной теоретической платформой в контексте осмысления темы настоящего исследования.

Ближний Восток во внешнеполитических концепциях РФ

Постсоветской Россией до сегодняшнего дня принято пять концепций внешней политики, анализ которых наглядно отражает эволюцию российского видения миропорядка и приоритетных направлений ее внешнеполитической деятельности. Важность БВ ввиду его выгодного геостратегического расположения всегда подчеркивалась в текстах концепций, однако риторика документов не совсем соответствовала практике; регион часто оказывался на периферии внешнеполитической активности Москвы.

В первой внешнеполитической концепции новой России под названием «Основные положения концепции внешней политики Российской Федерации» от 23 апреля 1993 г. отношение Москвы к БВ определяются комплексом факторов, представляющих как возможности, так и вызовы. К первым документ относит наличие в регионе значительных финансовых ресурсов и его значимость для мирового энергетического баланса, а ко вторым – географическую близость к границам России, что повышает опасность воздействия идущих там дестабилизационных процессов на ситуацию на Кавказе и в Центральной Азии¹.

¹ Основные положения концепции внешней политики Российской Федерации от 23 апреля 1993 г. // Дипломатический вестник. 1993. № 1–2. С. 3–23.

Наряду с достаточно предсказуемыми посылками, важным моментом Концепции 1993 г. стало провозглашение целесообразности существенной трансформации связей России со странами Ближнего Востока, их очищения от идеологических мотивов, приведения в соответствие с современными реалиями. Такой подход на фоне позитивного переосмысления российской политической элитой отношений со странами Запада настраивал ближневосточную политику России на строгий прагматизм, что, с учетом специфики сложившихся между СССР и странами региона отношений, во многом и привел к неизбежному снижению значимости ближневосточного вектора российской внешней политики. Для российской общественности такое отступление объяснялось потребностью рационализации использования внешнеполитических ресурсов, а на международной арене новая линия подавалась как сознательный уход от ненужного соперничества с Западом в точках, не имеющих значения для российских интересов, но значимых для интересов США и ЕС [3]. В одной из таких точек оказался и Ближний Восток.

Несмотря на внутренние дискуссии над определением приоритетов внешней политики в предстоящей Концепции, и принятие в итоге сбалансированного документа, на самом деле в его тексте в содержательном плане прозападная позиция оказалась более выраженной. Ближний Восток, хотя и был провозглашен важным регионом, на практике остался в приоритетах второго порядка. Москву в этот период заботило не столько политические аспекты взаимодействия со странами Ближнего Востока, сколько экономические. Это подтверждается, например, тем, что российская дипломатия проявляла активность на тех страновых направлениях, на которых оставались нерешенные вопросы экономического характера или имелись возможности для привлечения инвестиций в российскую экономику. Наиболее важ-

ным вопросом оставалась проблема задолженности некоторых стран региона за поставки советского вооружения. Это касалось, в первую очередь, Ирака, Сирии и Ливии, которые в начале 90-х гг. имели напряженные отношения с Западом или находились под международными санкциями. В надежде добиться возвращения многомиллиардных долгов российская дипломатия, проявляя гибкость, пыталась оказывать, хотя и не совсем успешно, этим странам политико-дипломатическую помощь [13].

Ослабление вовлеченности России в ближневосточные дела не означало, что Москва «уходит» из региона. Ориентация на Запад и отказ от идеологических мотивов не могли в одночасье преодолеть инерционную силу советского наследия. Россия пыталась сохранить свое влияние на решение некоторых проблем региона, расширить рамки экономического и военно-технического сотрудничества с его странами, что было отражено в Концепции 1993 г. Новые тренды во внешней политике Москвы поспособствовали восстановлению отношений с монархиями Залива и Израилем. Россия включилась в процесс урегулирования арабо-израильского конфликта в качестве совместного с США спонсора, а ее позиция в отношении ближневосточного урегулирования отошла от антиизраильской риторики [1].

Постепенное решение комплекса внутренних проблем к началу нового столетия прибавило России больше уверенности и во внешней политике. На диверсификацию региональных направлений российской дипломатии начала 2000-х гг. значительно повлияла иллюзорность формирования «стратегического партнерства» с США и идеи «демократической солидарности». Как отмечают исследователи из Тегеранского университета М. Кушки и И. Тохири, «оскорбительные/неуважительные» шаги Запада для России, а именно – начало процесса восточной экспансии НАТО и эскалация конфликта в бывшей Югославии, не оста-

вили надежд на адекватный для России компромисс с Западом относительно ее равноправного участия в строительстве нового мирового порядка [10]. Более того, в 1996 г. министром иностранных дел РФ становится Е. Примаков, которого многие иранские исследователи считают главным архитектором и мыслителем внешней политики постсоветской России на Ближнем Востоке [6]. На фоне таких перемен Москва начала переводить отношения с Западом в русло политико-экономического прагматизма, а новая концепция предсказуемо констатировала, что «некоторые расчеты, связанные с формированием новых равноправных, взаимовыгодных, партнерских отношений России с окружающим миром» не оправдались¹.

Ближнему Востоку в тексте новой Концепции (принята 28 июня 2000 г.) отведен буквально один абзац, в котором, *во-первых*, провозглашена готовность России работать над достижением стабильности в регионе, который географически, находясь вблизи южных границ РФ, мог стать вызовом безопасности с учетом террористической активности на российском Северном Кавказе [17, с. 15]. *Во-вторых*, документ подчеркивал желание Москвы восстанавливать и укреплять свои позиции, особенно экономические, в этом богатом районе мира. Несмотря на такое краткое изложение видения ближневосточной политики, оно указывает на стремление России диверсифицировать свои внешнеполитические связи, а БВ рассматривается в контексте построения полицентричного мира и достижения РФ статуса одного из центров влияния. Такой вывод является логичным, учитывая, что задача формирования нового мироустройства становится одной из главных концептуально-идеологических новаций

в части функциональных приоритетов в тексте Концепции.

Относительное повышение значимости БВ в шкале географических приоритетов в тексте документа стоит рассматривать в связке с геополитическими и геоэкономическими факторами. Так, подчеркнутая значимость региона «Большого Средиземноморья» для продвижения российских экономических / энергетических интересов с учетом общего посыла Концепции о восстановлении российских позиций в регионе, представляется реакцией на интеграционные проекты ЕС (Барселонский процесс) и США для региона [14]. Обозначенные проекты свидетельствовали о готовности стран Запада в кратчайшие сроки занять оставленную СССР нишу.

Ответ России обновленной Концепцией внешней политики стал логичным шагом в представлении переосмысленного международного позиционирования Москвы. Ко второй половине первой декады XXI в. большой пласт проблемных вопросов с региональными государствами были решены. Благодаря решению вопросов их задолженности Россия начала наращивать свое присутствие на нефтегазовом рынке региона, становилась одним из главных поставщиков вооружений для его государств. Эти факторы способствовали укреплению международных позиций РФ. Возникла необходимость обновления концепции внешней политики с учетом изменившейся мирополитической конъюнктуры.

Концепция внешней политики России 2008 г. обозначает качественно новый этап в развитии концептуальных основ внешней политики РФ. Документ подчеркивает великодержавные стремления России, хотя сам термин «великая держава» не используется. Данный посыл явно прослеживается в тех формулировках документа, в которых констатируется переход России от сугубо реализации международной повестки дня к возможности ее формирования, осознание ответствен-

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации от 28 июня 2000 года // Электронный фонд правовой и нормативно-технической информации. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/901764263> (дата обращения: 22.12.2019).

ности за поддержание безопасности в мире¹, что является демонстрацией способности и готовности России *думать и действовать глобально* – одни из важных черт «великой державы» [15]. В таком видении России своего статуса и поведения на мировой арене можно проследить идею неореалистов, которые, как известно, переносят центр объяснения международного поведения государств на уровень международной системы, структурные свойства которой являются результатом взаимодействия между великими державами, а не малыми и средними государствами.

Новым моментом в Концепции 2008 г. стало упоминание отдельных государств БВ. Основные страны – партнеры России в регионе в текстах концепции никогда раньше не приводились, что объяснялось стремлением Москвы выстраивать взаимодействие с широким кругом акторов, между которыми наблюдаются острые противоречия [18]. В таких условиях практика обобщенного описания региона представляется логичной, так как позволяет избежать неудобных вопросов относительно порядка упоминания стран в официальных документах. Однако с другой стороны, упоминание основных региональных акторов, несмотря на наличие между ними противоречий, демонстрировало готовность России выстраивать с ними прагматичные взаимоотношения и работать над решением острых проблем.

Следует отметить, что порядок упоминания стран региона в тексте Концепции исходит из уровня сотрудничества с ними России, особенно в экономической сфере. Приведем пример Турции, во взаимоотношениях с которой у России наблюдался период «романтики», когда стремительно развивались экономические взаимодействия, заслонявшие поли-

тические проблемы. Так, с 2001 по 2008 гг. товарооборот между Россией и Турцией увеличился в 9,5 раз (с 4 до 38 млрд долл. США); в этот период доля России во внешнеторговом обороте Турции достигла рекордных показателей – 11,4%, а удельный вес Анкары во внешней торговле России составил 5,7%². В 2008 г. Турция заняла пятое место среди торговых партнеров России из числа стран дальнего зарубежья.

Документ указывает на повышение значимости Ближневосточного региона во внешней политике России. Основными факторами при этом выступали не только усиление мирорегулирующих устремлений России, что требовало восстановления утраченных позиций на БВ, но и трезвый прагматизм, который опирался в первую очередь на продвижение экономических интересов России в регионе. Однако с началом нового десятилетия БВ столкнулся с массовыми народными волнениями, вмешательством, в том числе силовым, внешних акторов в региональные дела. Эти новые тренды и были учтены в новой редакции Концепции внешней политики РФ, которая появилась через 5 лет.

Международный контекст и факторы принятия концепции 2013 г. и логика приоритетности БВ в ней формировались под динамикой растущей международной напряженности, турбулентной ситуации в упомянутом регионе, вызванной событиями «Арабской весны». Концепция фокусирует внимание на том, что на Ближнем Востоке и в Северной Африке проявляются тенденции «повышения значения фактора цивилизационной идентичности»³. Такая идея, как отмечают исследователи, *во-первых*, яв-

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации от 15 июля 2008 года. // Сайт Президента Российской Федерации. – URL: <http://kremlin.ru/acts/785>. (дата обращения: 19.12.2018).

² Внешняя торговля России. Статистика // Портал «Россия-экспорт-импорт». URL: <https://www.rusimrex.ru/index7.htm> (дата обращения: 21.01.2020).

³ Концепция внешней политики Российской Федерации от 12 февраля 2013 года // Сайт МИД РФ. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkB6BZ29/content/id/122186 (дата обращения: 18.12.2019).

ляется отсылкой к гипотезе С. Хантингтона о «столкновении цивилизаций» и возможным негативным последствиям прикладного проявления данной теории; *во-вторых*, в теоретическом геополитическом противоборстве по линии «Запад – Восток» показывает Россию в качестве стабилизирующей силы, в том числе и в регионе БВ, где наблюдается перманентная межконфессиональная напряженность на внутригосударственном и региональном уровнях; и, *в-третьих*, акцент на негативном восприятии упомянутой теории был призван способствовать обоснованию представлений об «особой роли России» [9].

В описании приоритетности БВ Концепция повторяет основные моменты предыдущей редакции документа. Подчеркивается готовность РФ внести вклад в стабилизацию региона через продвижение консервативно-охранительной позиции по суверенитету и вопросу о (не-) вмешательстве извне, что было связано с активной политикой внешних акторов и по смене неудобных им режимов в регионе. Выражаясь языком неореалистов, такая позиция России, которая стала характерной чертой риторики и практики ее внешней политики, стала все больше определяться динамикой развития структуры международных отношений в регионе.

Новым моментом в Концепции стала задача России по оказанию содействия созданию на БВ зоны, свободной от оружия массового уничтожения и средств его доставки. Еще в 2010 г. президент России Д. Медведев заявил, что регион должен стать безъядерным, потому что «иное развитие событий будет означать региональную, а... может быть, и глобальную катастрофу»¹. Учитывая близость БВ к границам России, комбинация непред-

сказуемости ситуации и активности террористических групп в нем представлял вызов для безопасности России и с точки зрения возможности попадания технологий или отдельных компонентов ОМУ в руки экстремистов.

Несмотря на достаточно сдержанную констатацию приоритетности БВ в Концепции 2013 г., на практике его значимость для российской внешней политики возрастала. Сама Концепция 2013 г. «устарела» очень быстро – после Крымских событий 2014 г., ставших в итоге переломным моментом для внешней политики современной России, в том числе на ближневосточном направлении.

Разработка новой концепции совпала с беспрецедентными для российской внешней политики событиями, связанными с присоединением Крыма и его международными последствиями, резкой активизацией ближневосточной политики, апогеем которой стало военнополитическое «возвращение» Москвы в Ближневосточный регион. Реагируя на контекст и особенности силового вмешательства России в сирийский конфликт, принятая в 2016 г. Концепция усиливает акцент на повышении роли фактора силы в международных отношениях, подчеркивая, что борьба с международным терроризмом на территории другого государства должна вестись с согласия государств, на территориях которых ведется такая борьба². Такой подход к антитеррористической борьбе является отражением стратегии России в сирийском конфликте и дальнейших планов Москвы по обеспечению своего военного присутствия в регионе.

Хотя в тексте Концепции 2016 г. Ближнему Востоку не отведено много места, а приоритеты внешнеполитической деятельности России в регионе остаются не-

¹ Совместная пресс-конференция с Президентом Сирии Б. Асадом по итогам российско-сирийских переговоров // Сайт Президента РФ. 11.05.2010. URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/7710> (дата обращения: 18.12.2019).

² Концепция внешней политики Российской Федерации от 30 ноября 2016 года // Сайт МИД РФ. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICk6BZ29/content/id/2542248 (дата обращения: 18.12.2019).

изменными, тем не менее на практике наблюдается растущая значимость данного направления российской внешней политики. Как российские, так и иранские исследователи во многом разделяют мнение о том, что после 2014 г. вовлеченность в ближневосточные дела (особенно сирийская кампания), несмотря на свою рискованность, стала для Москвы фактором преодоления международной изоляции [2; 7]. Более того, распространение терроризма в Ближневосточном регионе Концепция связывает с результатами «навязываемых извне идеологических ценностей и рецептов модернизации политической системы государств», что представляется недвусмысленным обвинением в адрес Запада. Риторика документа касательно оценки политики Западных государств в регионе все больше рисует контуры усиления противоборства внешних акторов в регионе в ключе реалистской «игры с нулевой суммой». При этом Россия стремится стать игроком, способным обеспечить баланс сил в регионе [20].

Концепция выводит озабоченность России гуманитарными интервенциями на новый уровень. В отличие от традиционной констатации негативного отношения к практике внешнего вмешательства, в обновленном документе позиция России становится проактивной; Москва «намерена не допускать» осуществления под предлогом реализации концепции «ответственность по защите» военных интервенций и прочих форм стороннего вмешательства...»¹. На примере Сирии Россия показала свою приверженность данной позиции, что может позитивно повлиять на ее имидж как надежного политического партнера в глазах государств и обществ региона [16, с. 28].

В новой редакции документа нет упоминания конкретных стран региона при

определении региональных приоритетов, что можно объяснить растущей напряженностью внутри региона. Традиционно упоминается лишь Иран, логика упоминания которого опирается не только на роль РФ в решении ядерной проблемы Ирана, но осознание влияния Тегерана на развитие региональных процессов. Если «ядерная сделка» с Ираном из-за позиции нового президента США Д. Трампа оказалась в кризисе, то сотрудничество по борьбе с терроризмом и в урегулировании сирийского конфликта вывели на совершенно новый уровень отношения между Москвой и Тегераном. Хотя многие эксперты заговорили о становлении стратегического партнерства между сторонами, автор настоящей статьи такую перспективу оценивает критически [4].

Концепция 2016 г., таким образом, четко фиксирует стремления России в достижении основной стратегической целью на Большом Ближнем Востоке – значительное военно-политическое присутствие в регионе [8]. В отличие от абстрактных положений в ранних редакциях, последняя Концепция достаточно конкретна, она представляется инструкцией к действию, в которой больше слов о том, что Россия будет делать и чего делать не будет. С принятием Концепции 2016 г. задача повышения статуса России как значимой глобальной силы оказалась выполненной. На Ближний Восток Москве удалось «вернуться» с относительно четко обозначенной и концептуально лучше сформулированной стратегией. Конечно, в условиях высокой турбулентности региональной конъюнктуры не так просто выработать четкую стратегию дальнейших действий, тем не менее, есть основание полагать, что активизация современной российской политики на Ближнем Востоке будет иметь долгосрочный характер.

Заключение

Ближний Восток превращается в одно из ключевых направлений внешней политики современной России. Однако

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации от 30 ноября 2016 года. // Сайт МИД РФ. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICk6BZ29/content/id/2542248 (дата обращения: 18.12.2019).

декларируемая в текстах ее концепций внешней политики значимость Ближневосточного региона не всегда совпадает с реальным значением региона для интересов России и степенью ее вовлеченности в региональные дела. В структуре текста концепций внешней политики России место БВ остается неизменным с 2000 г. С одной стороны, такая логика оформления географических приоритетов опирается на архитектуру первого подобного документа, с другой, на наш взгляд, – на соображения осторожности со стороны России в провозглашении официальной значимости такого чувствительного региона, где пересекаются интересы нескольких ведущих игроков. Анализ логики изменения места БВ в концепциях внешней политики постсоветской России позволяет автору сделать несколько общих выводов.

Во-первых, логику приоритетности Ближнего Востока во внешней политике России в первые годы после распада СССР определило не только стремление нового руководства в Москве продемонстрировать солидарность с «демократическим Западом» и отход от советской идеологизированной внешней политики, но и материальные соображения, которые были существенны для России, находившаяся в непростом экономическом положении. Принятая в 1993 г. достаточно прозападная по содержанию Концепция внешней политики России стала компромиссом между сторонниками «западного» и «восточного» направлений.

Во-вторых, в тексте второй внешнеполитической Концепции, несмотря на наращивание присутствия России в регионе, обозначение приоритетности Ближнего Востока не претерпело заметного изменения. Однако в ней появились первые нарративы о возможном соперничестве России с другими внерегиональными акторами в регионе за геоэкономические позиции. Такие изменения стали результатом разочарования России в идее солидарности с Западом и укрепления

ресурсной базы ее внешней политики с логически отсюда вытекающим стремлением к проведению более диверсифицированной внешнеполитической линии.

В-третьих, к моменту принятия третьей Концепции своей внешней политики Россия подошла с окрепшим международным влиянием и готовностью к проведению более активной внешней политики. Такая уверенность чувствуется и в тексте Концепции – в части определения ее региональных приоритетов, где впервые упоминаются конкретные страны БВ. Значительное повышение уровня сотрудничества России со странами региона, окончательное решение проблем задолженности с некоторыми из его ключевых государств стали факторами постепенного возвращения России на Ближний Восток.

В-четвертых, несмотря на «скромную» оценку приоритетности Ближнего Востока для внешней политики России в Концепции 2013 г., на практике Москва продолжает поиск ресурсов для дальнейшего конструирования своего великодержавного статуса в том числе через участие в процессах на БВ. Провозглашение в документе готовности оказать содействие в полной денуклеаризации региона говорит о расширении номенклатуры региональных процессов, в развитии которых Россия намерена наращивать участие. Концепция 2013 г. подчеркивает важность принципов уважения суверенитета в контексте региона и невмешательства во внутренние дела их государств, однако данная позиция остается оборонительной.

И, в-пятых, в своей последней Концепции внешней политики Россия переходит от выражающего поддержки принципам своего международного поведения к положению их защищающего. Это кардинальная трансформация в концептуализации принципов и приоритетов российской внешней политики на современном этапе, в развитии которой огромную роль сыграла и беспрецедент-

ная вовлеченность России в дела Ближнего Востока. Оказавшись в изоляции в Западном направлении, Россия решила выйти из нее через «сирийскую дверь». Рискованный манёвр удался; Россия получила потенциальные рычаги давления не только на процессы в регионе, но и во всем мире. Эти тренды, конечно, отражены в тексте Концепции 2016 г. в части приоритетности БВ, однако риторика и место, отведенное в тексте региону, на наш взгляд, никак не соответствуют

практической активности в нем Москвы и его растущей значимости для внешней политики России. Тем не менее действующая Концепция относительно четко формулирует векторы развития политики России в регионе, которые, с учетом позитивных результатов российского участия в ближневосточных делах, могут стать основой для развития отдельной стратегии России для Ближнего Востока.

Статья поступила в редакцию 24.01.2020

ЛИТЕРАТУРА

1. Барановский В. Новая внешняя политика России: влияние на международную систему // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60. № 7. С. 5–15.
2. Богатуров А. Три поколения внешнеполитических доктрин России // Международные процессы. 2007. Том: 5. № 1 (13). С. 54–69.
3. Джаббаринасир Х. Иран и Израиль во внешней политике России: ограничения на пути сотрудничества // Сравнительная политика. 2020. Том 11. №1. С. 44–64.
4. Колобов О. А. Современная российская политика на Ближнем Востоке: стратегические цели и тактические действия // Вестник Московского государственного института международных отношений (Университета). 2017. № 4 (55). С. 83–98.
5. Коновалов А. О. Ближний Восток в системе внешнеполитических приоритетов Российской Федерации геополитические концепции XXI в., перспективы, реальность: дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2016. 231 с.
6. Моргентау Г. Международная политика // Антология мировой политической мысли: в 5-ти т. Т. 2. М.: Мысль, 1997. С. 501–507.
7. Примаков Е. М. Ближневосточный курс России: исторические этапы // Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше? М.: ИВ РАН, 2012. С. 21–31.
8. Сапронова М. А. Российско-арабское сотрудничество до и после «арабской весны» // Вестник Московского государственного института международных отношений (Университета). 2014. № 3 (36). С. 27–36.
9. Трофимова О. Е. Средиземноморская политика ЕС в свете интеграционных процессов // Мировая экономика и международные отношения. 2012. № 2. С. 70–80.
10. Шаклеина Т. А. Великие державы и региональные подсистемы // Международные процессы. 2011. Т. 9. № 2 (26). С. 29–39.
11. Аtxари А., Бахман III. Россия и современный Ближний Восток: стратегия и вызовы // Журнал олум-е сиёси вэ равабэт-е байнулмэла. 2012. № 17. С. 33–64 (на персидском).
12. Карамидж. Внешняя политика России: проблема определения интересов и преодоления противоречий // Мотоллат-е Асиё-е Маркази вэ Кафказ. 2004. № 41. С. 49–78 (на персидском).
13. Колайи Э. и др. Изменения и преемственность во внешней политике России на Ближнем Востоке: динамика, достижения и вызовы // Рахяфтха-е сиёси вэ байномилэли. 2018. № 2. С. 123–152 (на персидском).
14. Кушки М., Тохири И. Присутствие России на Ближнем Востоке в период президентства В. Путина // Журнал Уросиёи Мэркази. 2016. № 1. С. 43–62 (на персидском).
15. Giles K. The Turning Point for Russian Foreign Policy. Strategic Studies Institute, US Army War College, 2017. 81 p.
16. González F. J. R. The Foreign policy concept of the Russian federation: A comparative study. IEES. 2013. 22 p.
17. Katz M. N. Russia's Greater Middle East Policy: Securing Economic Interests, Courting Islam. Paris, IFRI Russia/NIS Center, 2010. 25 p.

18. Keohane R. O. Realism, Neorealism and the Study of World Politics // Neorealism and Its Critics. NY: Columbia University Press, 1986. 378 p.
19. Kozhanov N. Russian Policy Across the Middle East Motivations and Methods. L.: Chatham House, Feb. 2018. 33 p.
20. Light M. Russian Foreign Policy Themes in Official Documents and Speeches: Tracing Continuity and Change // Russia's Foreign Policy: Ideas, Domestic Politics and External Relations. Palgrave Macmillan, London, 2015. P. 13–29.
21. Waltz K. Realist Thought and Neorealist Theory // Journal of International Affairs. 1990. Vol. 44. Iss. 1. P. 21–37.

REFERENCES

1. Baranovskii V. [Russia's new foreign policy: implications for international system]. In: *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 2016, vol. 60, no. 7, pp. 5–15.
2. Bogaturov A. [Three Generations of Russia's Foreign Policy]. In: *Mezhdunarodnye protsessy* [International trends], 2007, vol. 5, no. 1 (13), pp. 54–69.
3. Dzhabbarinasir H. [Iran and Israel in the foreign policy of Russia: Restrictions on the way of cooperation]. In: *Sravnitel'naya politika* [Comparative politics], 2020, vol. 11, no 1. pp. 44–64.
4. Kolobov O. [Contemporary Russian politics in the Middle East: strategic goals and tactical actions]. In: *Vestnik MGIMO Universiteta* [MGIMO Review of International Relations], 2017, no. 4, iss. 55, pp. 83–98.
5. Konovalov A. *Blizhnii Vostok v sisteme vneshnepoliticheskikh prioritov Rossiiskoi Federatsii geopoliticheskie kontseptsii XXI v., perspektivy, real'nost': dis. ... cand. ist. nauk* [Middle East in the system of foreign policy priorities of the Russian Federation, geopolitical concepts of the 21st century, prospects, reality]. PhD Thesis in Political sciences. Saint Petersburg, 2016. 231 p.
6. Morgentau G. [International Politics] In: *Antologiya mirovoi politicheskoi mysli* [Anthology of worlds political thought]. Vol. 2. Moscow. Mysl' Publ., 1995, pp. 501–507.
7. Primakov E. [The Middle East course of Russia: historical stages]. In: *Blizhnii Vostok, Arabskoe probuzhdenie i Rossiya: chto dal'she?* [Middle East, Arabian Awakening and Russia: What's Next?]. Moscow, IOS RAS, 2012. 595 p.
8. Sapronova M. [Russian-Arab cooperation before and after the «Arab spring»]. In: *Vestnik MGIMO Universiteta* [MGIMO Review of International Relations], 2014. no. 3, iss. 36, pp. 27–36.
9. Trofimova O. [EU Mediterranean Policy in the Light of Integration Processes]. In: *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 2012, no. 2, pp. 70–80.
10. Shakleina T. [Great Powers and Regional Subsystems]. In: *Mezhdunarodnye protsessy* [International trends], 2011, vol. 9, no. 2, iss. 26, pp. 29–39.
11. Atkhari A., Bakhman Sh. [Russia and the modern Middle East: strategy and challenges]. In: *Zhurnale olum-e siesi ve ravabet-e bainulmelal* [The Journal of Political Science and International Relations], 2012, no. 17, pp. 33–64 (In Persian).
12. Karami Dzh. [Russia's foreign policy: the problem of determining interests and overcoming contradictions]. In: *Motoleat-e Asie-e Markazi ve Kafkaz* [Journal of Central Asia and Caucasus Studies], 2004, no. 41, pp. 49–78 (In Persian).
13. Kolaii E., et al. [Changes and continuity in the Russia's Middle East foreign policy: dynamic, achievements and challenges]. In: *Rakhyafkha-e siesi ve bainolmileli* [Journal of International politics], 2018, no. 2, pp. 123–152 (In Persian).
14. Kushki M., Tokhiri I. [The presence of Russia in the Middle East during Putin's presidency] In: *Zhurnole Urosiei Merkazi* [The Journal of Central Eurasia], 2016, no. 1, pp. 43–62 (In Persian).
15. Giles K. The Turning Point for Russian Foreign Policy. Strategic Studies Institute, US Army War College, 2017. 81 p.
16. González F. J. R. The Foreign policy concept of the Russian federation: A comparative study. IEES, 2013. 22 p.
17. Katz M. N. Russia's Greater Middle East Policy: Securing Economic Interests, Courting Islam. Paris, IFRI Russia/NIS Center, 2010. 25 p.
18. Keohane R. O. Realism, Neorealism and the Study of World Politics. In: Neorealism and Its Critics. NY: Columbia University Press, 1986.

19. Kozhanov N. Russian Policy Across the Middle East Motivations and Methods. London, Chatham House, 2018. 33 p.
20. Light M. Russian Foreign Policy Themes in Official Documents and Speeches: Tracing Continuity and Change. In: Cadier D., Light M., eds. Russia's Foreign Policy: Ideas, Domestic Politics and External Relations. Palgrave Macmillan, London, 2015, pp. 13–29.
21. Waltz K. N. Realist Thought and Neorealist Theory. In: Journal of International Affairs, 1990, vol. 44, iss. 1, pp. 21–37.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Джаббаринасир Хасан Реза – кандидат политических наук, научный сотрудник Института социальных и культурных исследований Исламской Республики Иран; преподаватель кафедры индо-иранских и африканских языков МГИМО МИД России;
e-mail: hjabbarinasir@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Hasan Reza Jabbarinasir – PhD in Political Science, researcher at the IRI's National Institute for Cultural and Social Studies; Lecturer at the Department of Indo-Iranian and African Languages, MGIMO University MFA Russia;
e-mail: hjabbarinasir@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Джаббаринасир Х. Р. Логика эволюции значимости Ближнего Востока в концепциях внешней политики России: контексты и ключевые факторы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 2. С. 175–186.
DOI: 10.18384/2310-676X-2020-2-175-186

FOR CITATION

Jabbarinasir H. The logic of evolution of Middle East's significance in Russia's foreign policy concepts: contexts and key factors. In: *Bulletin of the Moscow Regional State University. Series: History and Political Sciences*, 2020, no. 2, pp. 175–186.
DOI: 10.18384/2310-676X-2020-2-175-186